

Александр Куприн

Картина

Александр Иванович Куприн

Картина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2476365

Аннотация

«На вечере у одного известного литератора, после ужина, между собравшимися гостями затеялся неожиданно горячий спор о том, бывает ли в наше, скудное высокими чувствами, время настоящая, непоколебимая дружба? Все единогласно высказались, что – нет, такой дружбы не бывает и что теперешняя дружба многих испытаний совсем не может выдержать. В определении же причин, расторгающих дружбу, спорщики разошлись. Один говорил, что дружбе мешают деньги, другой – женщина, третий – сходство характеров, четвертый – бремя и заботы семейной жизни, и все в таком роде...»

Содержание

I	4
II	6
III	9
IV	13
V	15
VI	19
VII	22
VIII	24
IX	26
X	28
XI	30

Александр Иванович Куприн Картина

I

На вечере у одного известного литератора, после ужина, между собравшимися гостями затеялся неожиданно горячий спор о том, бывает ли в наше, скудное высокими чувствами, время настоящая, непоколебимая дружба? Все единогласно высказались, что – нет, такой дружбы не бывает и что теперешняя дружба многих испытаний совсем не может выдержать. В определении же причин, расторгающих дружбу, спорщики разошлись. Один говорил, что дружбе мешают деньги, другой – женщина, третий – сходство характеров, четвертый – бремя и заботы семейной жизни, и все в таком роде.

Когда же спорщики, накричавшись вдоволь и ничего не выяснив, устали, тогда один почтенный человек, до сих пор в прения не вступавший, сказал:

– Все, господа, сказанное вами, очень веско и замечательно. Однако я знаю в жизни пример, когда дружба прошла сквозь все перечисленные препятствия и осталась неприкос-

новенною.

– И что же, – спросил хозяин, – эта дружба так до гроба и продолжалась?

– Нет, не до гроба. А тому, что она пресеклась, была особая причина.

– Какая же? – спросил хозяин.

– Причина очень простая и в то же время удивительная. Дружбу эту расторгнула святая Варвара.

Так как из гостей никто не понял, как это святая Варвара могла в наш меркантильный век разорвать дружбу, то все просили Афанасия Силыча (так звали почтенного человека) объяснить свои загадочные слова.

Афанасий Силыч на это улыбнулся и ответил:

– Тут загадочного ничего нет. История эта простая и печальная, история страданий большого сердца. И если вам действительно угодно будет послушать, то я сейчас ее с удовольствием и расскажу.

Все приготовились слушать, и Афанасий Силыч начал свой рассказ.

II

В начале девятнадцатого столетия была известна богатством, знатностью рода и большою гордостью фамилия князей Белоконь-Белоноговых. Но сама судьба эту фамилию осудила на вымирание, так что теперь об ней уже нет и помину. Последний ее боковой отпрыск – не в осуждение говорю – кончил недавно свое земное поприще в аржановском доме (есть такой известный ночлежный вертеп в Москве) среди золоторотцев, пьяниц и разбойников. Но до него мой рассказ не коснется, потому что предметом его будет князь Андрей Львович, с которым и прекратилась прямая линия.

При жизни отца – а это было еще во время крепостной зависимости – князь Андрей служил в гвардии и считался одним из самых блестящих офицеров. Деньгам счету не знал, танцор, красавец, женский любимец, дуэлист, – ну, чего еще, кажется? Однако, когда папаша скончался, князь Андрей службу бросил, как его ни уговаривали остаться. «Я, говорит, с вами пропаду здесь, а мне любопытно узнать все, что мне от судьбы определено».

Странный он был человек, своеобразный и, так сказать, фантастический. Лестно ему казалось всякую свою мечту сейчас же и на деле доказать. Как только схоронил он князя Льва Андреевича, так сейчас и закатился по заграницам. Удивительно, где его ни носило! Высылались ему деньги че-

рез всякие агентства и банкирские дома, то в Париж, то в Калькутту, то в Нью-Йорк, то в Сидней. Это все, опять повторю, мне доподлинно известно, так как мой отец был у него главным управляющим над всеми его двумястами тысяч десятин.

Через четыре года воротился князь Андрей, исхудалый, бородищей оброс, сам от загара коричневый, – и узнать трудно. Как приехал, да засел в своей пнищевской усадьбе, да надел халат, только его и видели. Заскучал.

А я в то время к князю очень сделался вхож, потому что он меня полюбил за мой характер веселый, и все-таки я кое-какое образование получил, так что мог ему собеседником служить. Опять же я свободный человек был: отец меня еще при князе Льве Андреевиче откупил.

Всегда князь Андрей встречал меня ласково и садиться велел. Даже сигарами потчевал. Сидеть я при нем скоро привык, а к сигарам никак притерпеться не мог – все у меня от них вроде морской болезни делалось.

Любопытно мне было все эти вещи рассматривать, какие князь из путешествия с собою привез. Шкуры тигровые и львиные, сабли кривые, божков, чучела зверей разных, дорогие камни и материи. А князь, бывало, лежит на диване своем огромном, курит и хоть над моим любопытством смеется, однако все это сейчас же объяснит. А потом, как увлечется сам да начнет свои приключения рассказывать, так, поверите ли, у меня от восторга мураши по спине бегали. Только

он говорит-говорит, да вдруг сморщится и замолкнет. Ну и я молчу. Тогда князь вдруг и скажет:

– Скучно мне, Афанасий. Ну вот я весь свет объехал, все видел, в Мексике лошадей диких ловил, в Индии на тигров охотился, и тонул, и песком меня засыпало – ну, а дальше что же? Нет, – говорит, – ничего на свете нового.

А я ему на это, знаете, по простоте отвечаю:

– Вам бы жениться, князь.

Он на это только засмеется.

– Я бы, – говорит, – женился, когда бы нашел женщину такую, чтобы я ею дорожил и уважал бы ее. Я вот всех наций и сословий женщин видел, и все-таки я не урод, и не глуп, и богат, так что они мне знаки своего внимания очень оказывали, а такой женщины, какую мне нужно, я не видел. Все они либо продажны, либо развратны, либо глупы, либо уж чересчур добродетельны, и с ними одна тоска. А мне все-таки скучно. Вот другое дело, если бы у меня какой-нибудь талант или дар был...

Я на это обыкновенно говорю:

– Да какого же вам еще, князь, таланта надобно? Слава богу, из себя красавец, земли, сами говорите, больше, чем у иного немецкого принца, силищей этакой бог наградил. Я бы и никакого таланта не желал.

А князь усмехнется на это и скажет:

– Глуп ты, Афанасий, и еще чересчур молод. Поживешь и, коли не исподличаешься, вспомнишь мои эти самые слова.

III

Впрочем, у князя Андрея был свой талант и, на мой взгляд, даже очень большой, а именно – живописный, к чему он еще в детстве оказывал склонности. Будучи за границей, князь почти с год провел в Риме, учился рисовать картины и даже, как он сам рассказывал, одно время думал сделаться настоящим художником, но почему-то раздумал или зашелся. Сидя у себя в Пнищах, он про свои занятия вспомнил и опять принялся рисовать красками. Нарисовал реку, мельницу, образ святителя Николая для церкви – очень хорошо нарисовал.

А кроме этого занятия, было у князя еще одно развлечение – ходить на медведя. В наших местах этого зверя – страсть сколько. И ходил всегда по-мужицки, с рогатиной и с ножом, а с собой брал только охотника Никиту Драного. «Драным» его называли за то, что ему медведь с черепа кожу своротил, так он навеки и остался.

С народом был прост и приветлив. Так прост, что если понадобится мужику лесу на избу или лошадь пала, сейчас так прямо к князю и идет, – знает, что отказу не будет. Только рабства и лакейства не любил и, вот тоже, лжи никогда не прощал никому.

За что его еще крепостные обожали, так это за то, что озорства по части женской за ним не водилось, – извините

за грубое слово. Девки в нашей стороне на всю Россию красавицы, и другие господа помещики целые гаремы держали, так что и для себя и для гостей. А у нас ни-ни. То есть, конечно, без этого не обходилось, по человеческой слабости, впрочем, тихо и скромно, на стороне, и никому обиды не выходило из этого.

Однако как ни был князь Андрей с низшими прост и пленителен, а с равными и с начальством был горд и дерзок, даже и без надобности. Особенно не любил чиновников. Бывало, приедет какой-нибудь по откупной части, или по полицейской, или по акцизной (а тогда дворяне еще службу для себя почитали, кроме военной, унижительной), приедет, да как иногда человек еще новый и начнет петушиться. «Почему то не так да то не этак!» Управляющий ему вежливо докладывает, что, мол, князево распоряжение, и отменять никак нельзя. Значит, понятно: получай свою положенную мзду и удаляйся. А тот все храбрится: «Да что мне ваш князь, я сам здесь закона представитель!» И сейчас, чтобы его до самого князя вели. Отец, бывало, уж из жалости остерегает: «Князь, дескать, у нас на руку тяжеленек». Куда! И слушать не хочет. Ну, таким манером, он и к князю Андрею наскоком является. «Помилуйте, что это за беспорядки? Да где это видано? Да я, да мы!» Князь все молчит-молчит, да вдруг как побагровеет да глазами сверкнет – страшный был во гневе человек. «На конюшню, каналью!» – крикнет. Ну, сейчас, натурально, расправа. В то время многие помещики

это одобряли и почему-то все на конюшне. По обычаю предков. А потом, через дня два, отец тайно от князя едет в город и наказанному везет пакетик с радужными. Я, бывало, уж осмелею, да и скажу ему: «Князь, а ведь чиновник-то жаловаться будет, как бы вам в ответе быть не пришлось». А он мне на это: «Ну, так что же? Пусть с меня взыскивает бог и мой великий государь, а я за продерзость наказать обязан».

Да на что же лучше, помилуйте, ведь он раз такую шутку губернатору отлил. Прибегает к князю Андрею однажды рабочий с парома и докладывает, что на той стороне реки губернатор. Князь и говорит:

– Ну так что же из этого?

– Да он, говорит, паром требует, ваше сиятельство. Умный был мужик, знал Князев характер.

– Как это он требует паром?

– Исправник послал сказать, чтобы немедленно паром был.

Князь сейчас же распорядился:

– Не давать парома.

Так и не дали. Тогда губернатор догадался и присылает записку, что, мол, так и так, дорогой Андрей Львович (а они были между собою троюродные кузены), окажи твою любезность, дай мне паром. И подписал имя и фамилию. Ну, уж тут сам князь его любезно на берегу встретил и такой банкет ему задал, что целую неделю губернатор выехать из Пнищей не мог.

А дворянам, даже самым захудалым, князь в случае недо-
разумений не отказывал в сатисфакции. Однако его остере-
гались, потому что знали его характер неукротимый и знали,
что он в восемнадцати дуэлях на своем веку участвовал. Ду-
эли в ту же пору между дворянами были даже очень обык-
новенным делом.

IV

Так и прожил князь Андрей в пнищевской усадьбе года два с лишком. А тут как раз подошел царский освободительный манифест, и начался среди господ помещиков переполох. Многие даже очень недовольны были, засели у себя в глуши и принялись докладные записки писать. Другие, которые поскупее и подальновиднее, норовили как бы со своими выкупными свидетельствами да с землей какую ни на есть выгоду соблюсти. А были и такие, что в ту пору очень опасались бунта крестьянского и просили для ихнего ограждения у начальства хоть каких-нибудь местных инвалидов.

Князь Андрей, когда пришел манифест, собрал своих мужиков и очень простыми словами, однако без искательств, им объяснил: «Вы, мол, теперь свободны, так же как и я. Это так и должно было случиться. А вы свободу свою во зло не обращайтесь, потому что начальство вам всегда может заглянуть туда, откуда ноги растут. Да помните, что как был я вам раньше помещиком, так и теперь буду. А землю берите на выкуп, какой сможете поднять».

И с этими словами уехал внезапно в Петербург.

А вам, господа, я думаю, хорошо известно, что в то время в обеих столицах делалось. Сразу тогда у дворян очутились в руках целые вороха деньжищ, и пошла катавасия. На что уж удивляли всю Россию откупщики да концессионеры с

банкирами, однако перед господами помещиками оказались они мальчишками и щенками. Ужас, что творилось! Иной раз за одним ужином целые состояния пускались на ветер.

Вот так князь Андрей в самый водоворот и попал и закрутился. Да еще вдобавок с товарищами полковыми встретился и потом уж никакого удержу знать не хотел. Однако прожуировал недолго, потому что вскоре не своей охотой должен был Петербург оставить. И все из-за лошадей.

V

Ужинал он в компании большой со своими офицерами в самом что ни на есть модном ресторане. Пили очень много и все больше шампанское. Только вдруг зашла у них речь о лошадях, – известно, постоянный разговор офицерский, – у кого в Петербурге лошади самые резвые. Один казак – фамилии его не помню, только знаю, что был он из кавказских владетельных князей, – этот казак и скажи в ту пору, что резвее всех пара вороных жеребцов у..., – и назвал чрезвычайно высокопоставленную особу.

– Это, – говорит, – не кони, а варвары. С ними один только Илья и может управиться, и никому тех злодеев не обогнать.

А князь Андрей засмеялся на это.

– Да я, – говорит, – их на своих соловых обгоню. А казак говорит:

– Нет, не обгонишь.

– Ан нет, обгоню.

– Не обгонишь.

– Обгоню.

– Ну, в таком разе, – говорит казак, – мы с тобой об заклад сейчас пойдем.

И пошли об заклад. Поставили условие, что ежели князь Андрей осрамится, то он казаку пару соловых отдает и к ним сани и карету с серебряной сбруей, а если князь Илью обго-

нит, то казак должен все билеты в театре оперном купить, когда госпожи Барбы представление пойдет, и самому казаку чтобы забраться на галерею и никого в театр не пускать. А в то время госпожой Барбо весь бомонд¹ сильно пленялся.

Ну-с, прекрасно. На другой день князь просыпается и велит лошадей соловых закладывать. Коньки на вид были неважные, так себе – степнячки косматенькие, однако довольно прыткие, а главное – угонистые и в скачке имели чрезвычайно долгий дух.

Тут уже товарищи видят, что дело не на шутку идет, стали князя отговаривать: «Брось ты это самое пари, потому что как бы тебя не упекли за твою фантазию куда-нибудь». Однако князь их не послушал и велел позвать кучера Варфоломея.

Кучер Варфоломей был человек мрачный и, так сказать, отвлеченный. Силищей его господь наградил ни с чем не соразмерной, так что он мог тройку на всем скаку остановить. Аж лошади на задние ноги падут. Пил ужасно, разговаривать ни с кем не любил, а князя своего хоть и обожал всей душою, но был с ним груб и заносчив, за что иногда свою порцию березовой каши и получал. Призвал князь Варфоломея и говорит ему:

– Можешь ты, Варфоломей, нынче одну пару на наших соловых обогнать? Варфоломей спрашивает:

– Какую?

¹ высший свет (от франц. beau monde)

Князь ему рассказал, как и что. Варфоломей затылок почесал.

– Знаю я, – говорит, – эту пару, да и Илья довольно мне хорошо известен. Человек опасный. Однако, ежели вашему сиятельству угодно, обогнать можем. Только в случае соловые пропадут – не гневайтесь.

– Хорошо. Сколько же тебе теперь надо водки в твое горло влить?

Но Варфоломей от водки отказался.

– Меня, – говорит, – пьяного лошади не уважают.

Сели и поехали. Стали на конце Невского проспекта. Дожидаются. Заранее было известно, что особа в полдень должна была проехать. Так и случилось. В полдень показалась пара вороных, Илья кучером, и в санях – особа.

Только дал им князь маленько отъехать и говорит:

– Валяй!

Пустил Варфоломей соловых. Как услышал Илья за собой топ конский – обернулся; обернулась и особа. Илья дал коням вожжи, и Варфоломей тоже надбавил ходу. А хозяин тех вороных был человек пламенный, бесстрашный и до лошадей большой охотник. Он Илье и говорит:

– Чтобы этот нахал нас обогнать не смел.

Что тут началось, я и сказать не умею. И кучера и кони точно сбесились: снег прямо тучей над ними. Сначала-то вороные как будто и обогнали, однако долго выдержать не могли, приустиали. Князь Андрей около самого вокзала вперед

выскочил, а особа ему этак гневно пальцем погрозила.

А на другой день князя вызвал к себе петербургский губернатор, господин светлейший князь Суворов, и сказал ему так:

– Уезжайте-ка вы, князь, скорее из Петербурга. Если вас не наказали примерно, то это потому только, что особа, которой вы вчера дерзость оказали, имеет большое пристрастие к людям отчаянным и смелым. И об вашем пари ей также все известно. Но уж больше в Петербург ни ногой, и то благодарите господу, что дешево отделались.

Однако, господа, я о князе Андрее заболтался, а к тому, что обещал доказать, еще и не приступал. Впрочем, скоро и конец моему повествованию. А главное, я, хоть и разбросанно, но все-таки личность князя Андрея описал, как мог.

VI

После знаменитой своей скачки поехал князь в Москву и там продолжал вести петербургскую линию, только в увеличенном размере. Одно время только об его причудах и было по всему городу разговоров. Вот тут-то и случилось с ним то, над чем он в Пнищах издевался. Стала на его пути женщина.

Да какая же, я вам доложу, женщина! Королева! Теперь и нет таких больше. Красоты самой удивительной... Была она прежде актрисой, потом вышла замуж за купца-миллионера, а когда купец умер, то она ни за кого замуж выйти не пожела- лала, говорила, что ей свобода дорога.

И чем она прельстила особенно князя, так это своею небрежностью. Никого она знать не хотела, ни богатых, ни знатных, и своим большим деньгам никакого внимания не оказывала. Как увидел ее князь Андрей, так сразу и влюбил- ся. Привык он к тому, чтобы ему сразу на шею вешались, и потому женщин мало уважал. А тут вдруг точно его и не замечают. Весела, приветлива, букеты и подарки принимает, а чуть он о чувствах – она сейчас же в смех. Это князя и уяз- вило. Прямо даже до затмения рассудка.

Вот как-то раз поехал князь с Марьей Гавриловной – ко- ролеву-то звали Марьей Гавриловной – в Яр, слушать цыган, и с ними – большая компания, человек в пятнадцать. Тогда вокруг князя целая толпа прихвостней ветшалась, так ее и

звали белоноговским штабом. Сидят они все за столом, пьют вино, цыгане им поют и пляшут. Вдруг Марье Гавриловне курить захотелось. Взяла она пахитоску – курили тогда из соломы вертушки такие – и ищет огня. Князь это увидел и моментально – хватать билет банковый в тысячу рублей, зажег об свечу и подает. Все кругом так и ахнули, фараоны даже петь перестали, и глаза у них от жадности блестят. В это время кто-то за соседним столом не очень громко, однако довольно явственно, сказал:

– Дурак!

Князь вскочил, точно его шилом кольнули. А за соседним столом сидит этакий маленький, тщедушный человечек и на князя глядит прямо в упор самым спокойным образом. Князь сейчас к нему:

– Как вы осмелились мне сказать «дурак»? Кто вы такой?

Маленький человечек ему на это очень хладнокровно:

– Я, – говорит, – художник Розанов. А дураком назвал вас потому, что на эти деньги, что вы сожгли из фанфаронства, можно было бы четырех больных целый год в больнице содержать.

Все сидят, ждут, что будет. Характер-то князя неуправляемый хорошо был известен. Или он этого маленького человека сейчас бить начнет, или на дуэль вызовет, или даже просто прикажет посечь.

И вдруг князь, мало помолчавши, обращается к художнику с такими неожиданными словами:

– Вы, господин Розанов, совершенно правы. Я действительно дураком себя перед хамами показал, и теперь, ежели вы мне руки не протянете и от меня не возьмете сейчас пяти тысяч для Мариинской больницы, то этим мне тяжкую нанесете обиду.

А Розанов отвечает:

– И деньги возьму, и руку вам протяну с одинаковым удовольствием.

В это время Марья Гавриловна князю тихонько шепчет:

– Позовите художника к нам, а штабу своему велите убраться.

Князь учтиво обратился к господину Розанову и попросил к ним подсесть, а потом повернулся к штабу и сказал:

– Чтобы я вас здесь больше не видел.

VII

И завязалась с той поры между князем и Розановым теснейшая дружба. Друг без друга дня провести не могут. Либо художник у князя, либо князь Андрей у художника. А Розанов жил тогда на Третьей Мещанской, на четвертом этаже, занимал две комнаты: одна мастерская, другая спальная. Звал его все князь к себе переехать, но художник отказывался. «Ты мне, говорит, и так очень дорог, а кроме того, я в богатстве заленюсь и свое искусство позабуду». Так и не переехал.

Все им друг в друге интересно было. Начнет Розанов говорить о живописи, о картинах разных, о жизни великих художников, – князь слушает, слова не проронит. А потом князь примется про свои приключения в диких странах рассказывать, – у художника и глаза заблестят.

– Постой, – скажет, – вот я скоро думаю одну большую картину написать. Тогда у меня хорошие деньги будут, и мы вместе за границу поедем.

– Да зачем тебе деньги? – спросил князь. – Хочешь завтра поедем? Все, что у меня есть, я с тобой могу поделить.

Но художник стоял на своем.

– Нет, подожди, я картину напишу, а тогда уже и будем говорить.

Настоящая была между ними дружба. И даже удивитель-

но: такое влияние Розанов над князем имел, что удерживал его от многих горячих и необдуманных поступков, к которым князь по своей пылкой натуре был весьма склонен.

VIII

Любовь князя к Марье Гавриловне не только не уменьшалась, но еще более распалась, только все ему не было успеха. Он у нее сколько раз руки и сердца на коленях просил, но она ему все одно отвечает: «Что же я, говорит, сделаю, если я вас не люблю?» – «Ну, не любите, – говорит князь, – может, потом слюбится, а без вас я несчастный человек». А она ему на это отвечает: «Мне очень вас жаль, но вашей беде я помочь не могу». – «Да вы, может быть, кого-нибудь уже любите?» – «Может быть, и люблю». И сама смеется. Затосковал князь. Лежит у себя дома на диване лицом к стене, хмурый, молчит, от еды его даже отбило. В доме все на цыпочках ходят... В одну из таких минут как-то приезжает Розанов, тоже лица на нем нет. Вошел в князев кабинет, поздоровался и молчит. И оба молчат. Наконец художник с духом собрался и говорит:

– Послушай, Андрей Львович, мне больно, что я тебе сейчас дружеской рукой удар нанесу.

Князь, лежа лицом к стенке, отзывается:

– Пожалуйста, без прелюдий, говори прямо. Тогда художник прямо и объяснился:

– Теперь мне Марья Гавриловна вроде как жена.

Князь спрашивает:

– Может быть, ты с ума сошел?

– Нет, – говорит художник, – я с ума не сошел. Марию Гавриловну я давно любил, но не смел ей своих чувств открыть. А сегодня утром она мне сказала: «Что нам друг от друга прятаться? Я давно вижу, что вы меня любите, и сама я также вас люблю. Только замуж за вас не выйду, а будем так...»

Рассказал художник всю эту историю, а князь лежит, не шевелится и ни слова в ответ. Розанов посидел, поглядел, да и вышел тихонько из кабинета.

IX

Однако через неделю переломил себя князь Андрей, хотя ему это многого стоило, потому что он даже сединой пошел. Приехал он к Розанову и объявил ему:

– Я вижу, насильно мил не будешь, а только я из-за бабы не хочу единственного друга терять.

Розанов его обнял и заплакал. А Марья Гавриловна ему руку протянула (она тут же была) и говорит:

– Я вас очень уважаю, Андрей Львович, и тоже хочу быть вашим другом.

Тогда князь совсем повеселел, и лицо у него сделалось ясное.

– А ведь признайтесь, – говорит, – не назови меня Розанов тогда в Яре дураком, вы бы его не полюбили?

Она только улыбается.

– Очень даже вероятно, – говорит.

А через неделю вот что случилось. Приехал к ним князь Андрей скучный, рассеянный. Говорил о том, о другом, а у самого как будто мысль какая-то в голове гвоздем сидит. Художник, зная натуру князя, спрашивает, что с ним.

– Да так, пустяки, – говорит князь.

– Ну, а все-таки?

– Да говорю, пустяки. Предприятие это, банк дурацкий, где мои деньги лежали...

– Ну?

– Лопнул. И теперь у меня всего имущества только то, что на мне есть.

– Это действительно пустяки, – сказал Розанов и сейчас же позвал Марью Гавриловну и приказал ей очистить верх дома для помещения князя.

Х

Так и поселился князь Андрей у Розанова. Целый день лежит на диване, читает романы французские и ногти шлифует. Но это ему скоро наскучило, и он однажды сказал Розанову:

– А ты знаешь, я ведь тоже рисовать-то учился.

Розанов удивился.

– Не может быть?

– Нет, учился. Я тебе даже и картины свои покажу.

Посмотрел Розанов и говорит:

– У тебя очень большие способности, только ты дурацкую школу прошел. Князь так и обрадовался.

– Ну, а что, – спрашивает, – ежели я теперь заниматься буду, могу я что-нибудь путное написать?

– И даже очень можешь.

– А если я до сих пор баклуши бил?

– Это ничего не значит. Трудом одолеешь.

– А голова моя седая?

– Тоже ничего. Другие позднее начинали. Если хочешь, я и сам с тобой займусь.

И начали вдвоем заниматься. Розанов только удивляется, какой у князя разворачивается громадный дар к живописи. А князь в работу так и вьелся, отходить не хочет, так что уж художник силком его отрывал.

Прошло месяцев с пять. Раз приходит Розанов к князю Андрею и говорит ему:

– Ну, коллега, теперь ты созрел и уже понимаешь, что такое рисунок и школа. Прежде ты был дикарем, а теперь у тебя и вкус тонкий вырабатывается. Пойдем со мною, я тебе покажу ту картину, о которой уже не раз намекал. До сих пор она для всех была тайной, а тебе я ее покажу, и ты мне свое мнение скажешь.

Повел он князя в мастерскую, поставил его в надлежащий угол зрения и открыл занавес, опущенный над картиной. А на картине была изображена святая Варвара, омывающая прокаженному на ноге язвы.

Долго стоял князь перед картиной, и лицо у него сделалось мрачное, точно потемнело.

– Ну, как же ты находишь? – спрашивает Розанов. А князь отвечает со злобой:

– Так нахожу, что я теперь больше к кистям никогда и притрагиваться не буду.

XI

Картина художника Розанова была произведением высокого вдохновения и труда. Представляла она, как святая Варвара стоит на коленях перед прокаженным и омывает его ужасную ногу, а лицо у нее светлое, радостное и красоты неземной. А прокаженный смотрит на нее с молитвенным восторгом и неизъяснимою благодарностью. Удивительная была картина! Розанов готовил ее для выставки, но об ней заранее прокричали газеты и молва. Повалила в мастерскую Розанова публика. Придут, взглянут на святую Варвару да на прокаженного, да так и стоят по часу и более. И тех, которые ничего в искусстве не понимали, слеза прошибала. Один англичанин был тогда в Москве, мистер Бродлей, так он с первого раза предложил Розанову за картину пятнадцать тысяч. Однако Розанов не согласился.

А с князем в то время что-то странное приключилось. Ходит пасмурный, исхудалый, ни с кем не говорит. Запивать начал. Розанов пробовал его разговорить – отвечает дерзостями. А когда публика из мастерской уходила, сядет князь Андрей перед мольбертом со святой Варварой и сидит целыми часами неподвижно, смотрит...

Так это продолжалось недели две с лишком, а там и случилось неожиданное и, поистине, скажу, ужасное дело. Приходит однажды Розанов домой и спрашивает, дома ли князь

Андрей Львович. Слуга ему докладывает, что князь спозаранку ушел, а самому Розанову записку оставил.

Взял Розанов записку и прочел. А в записке вот что стояло:

«Прости мой ужасный поступок. Я был в безумии и через минуту уже раскаялся. Я уйду совсем, потому что у меня не хватает сил убить себя». И затем подпись.

Тогда Розанов все понял. Кинулся он в мастерскую и увидел, что его божественное произведение лежит на полу истерзанное, растоптанное, искрошенное ножом...

Тогда он заплакал и сказал:

– Мне не жаль картины, а мне жаль его. Зачем он мне не сказал, что у него в душе было. Я бы сам тогда поскорее картину продал или подарил кому-нибудь.

А об князе Андрее с той поры нет ни слуху ни духу, и никому не известно, что он пережил после своего безумного поступка.